

УДК 81'36

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-8-14-27

Конструкция «Какой из NP[gen] NP[nom]»: семантика, синтактика, прагматика

Яна А. Астахова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yana_ast87@mail.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ семантических, синтаксических и прагматических особенностей конструкции «Какой из NP[gen] NP[nom]», которая реализуется преимущественно в рамках диалога в модели *какой из PronPers[gen] NP[nom]*. Наиболее частотным заполнителем компонента с местоимением является слово *меня*; среди заполнителей второго переменного компонента встречаются слова, указывающие на социальный статус объекта или его социальную роль; отрицательная субъективная оценка подчеркивается интонационным оформлением СФ при использовании ИК-2; с точки зрения прагматики СФ употребляется в косвенных экспрессивных речевых актах.

Ключевые слова: грамматика конструкций, синтаксический фразеологизм, семантика, прагматика

Для цитирования: Астахова Я.А. Конструкция «Какой из NP[gen] NP[nom]»: семантика, синтактика, прагматика // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 8. С. 14–27. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-8-14-27

Construction “Which of NP[gen] NP[nom]”. Semantics, syntactics, pragmatics

Yana A. Astakhova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
yana_ast87@mail.ru*

Abstract. In the article analyzes the semantic, syntactic and pragmatic features of the construction “Which of NP[gen] NP[nom]”, that is implemented mainly within the framework of the dialogue in the model of *which of the*

© Астахова Я.А., 2023

PronPers[gen] NP[nom]. The most frequent placeholder of the component with the pronoun is the word *me*. Among the placeholders of the second variable component there are words indicating the social status of the object or its social role; a negative subjective assessment is emphasized by the intonation of SF when using IK-2; from the point of view of pragmatics, SF is used in indirect expressive speech acts.

Keywords: construction grammar, syntactic idioms, semantics, pragmatics

For citation: Astakhova, Ya.A. (2023), "Construction 'Which of NP [gen] NP[nom]'. Semantics, syntactics, pragmatics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Lite-rary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 14–27, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-8-14-27

В современной лингвистике, а также в иных областях гуманитарных наук антропоцентрическая парадигма занимает одну из лидирующих позиций. В качестве объектов анализа выступают человек, культура, язык, а также то, каким образом языковые единицы реализуются в различных типах дискурса.

В последние годы XX в. в зарубежной, а позднее и в российской лингвистике широкое распространение получила теория Грамматики конструкций, основная методологическая идея которой заключалась в признании отсутствия четкой границы между грамматикой и лексикой. Промежуточную зону между словарем и грамматикой Л.Л. Иомдин назвал термином «микросинтаксис» [Иомдин 2022]. Языковые единицы, находящиеся в ней, с одной стороны, относятся к области грамматики, с другой стороны, могут быть описаны лексикографически в силу того, что формально они представляют из себя неоднословные высказывания, но их значения устроены не композиционно, а идиоматически. С 70-х гг. XX в. наблюдается тенденция к анализу синтаксических фразеологизмов, ранее относимых лингвистами к языковой периферии.

Объекты «микросинтаксиса», или «малого синтаксиса», относятся к области изучения синтаксиса, т. е., по Я.Г. Тестельцу, к части грамматики, которая объясняет взаимосвязь слов в словосочетаниях и предложениях [Ушакова 2018]. Под этими терминами исследователи понимают такую область языковых явлений, которая находится на границе соприкосновения грамматики и словаря [Иомдин 2003; Рахилина 2010; Добровольский 2016; Иомдин 2022]. Микросинтаксические конструкции используются преимущественно в разговорной речи как воспроизводимые единицы, но также наблюдается их постепенное проникновение в письменную речь.

В данный момент очевидно, что невозможно в полной мере объяснить природу микросинтаксических единиц, задействовав аппарат только одной строго определенной сферы лингвистической науки. Грамматисты считают, что микросинтаксические явления должны находиться в словарях, но при этом ученые-лексикографы отмечают сложности, связанные со словарной фиксацией и толкованием данных единиц в словарных статьях.

В настоящее время исследования микросинтаксиса проводятся в основном на примере использования определенных конструкций. Как отмечает в своих работах Л.Л. Иомдин, понимание целой конструкции редко соотносится с элементами, из которых она состоит [Иомдин 2003а; Иомдин 2006в; Иомдин 2013с].

Исследование микросинтаксических конструкций проводится также в рамках теории грамматики конструкций, где минимальной единицей для изучения выступает конструкция (*construction*), т. е. такое языковое выражение, в котором составляющие его части по отдельности не могут обуславливать аспекты планов выражения и содержания всей конструкции. Конструкции могут состоять из нескольких элементов, от морфем до отдельных слов и предложений, в том числе идиом и объектов фразеологизированной структуры.

Одним из наиболее важных трудов по изучению грамматики конструкций является работа Ч. Филлмора и его соавторов (П. Кея и К. О'Коннор), в которой они отходят от концепции атомических языковых моделей. По мнению авторов, такие модели закрепляет генеративная грамматика, где говорится о том, что предложение может быть разделено на отрезки таким образом, что они будут:

- представлять составляющие допустимого вида;
- соединяться друг с другом в рамках классических правил;
- их значение можно будет вывести из отдельных их составляющих¹. Филлмор предложил рассматривать языковую «периферию», вводя таким образом в сферу научного описания большое количество конструкций, которые традиционно либо относили к области фразеологии, либо не рассматривали. Конструкция понималась как целостный знак, с собственной формой и значением, которые нельзя вывести по регулярным синтаксическим и семантическим правилам, исходя из значений элементов, входящих в состав данной конструкции.

С 1980-х гг. исследователями МСП создаются работы не только по семантическим особенностям языковых единиц, но и по прагма-

¹*Fillmore ChJ., Kay P. Construction Grammar Course Book. Berkeley: University of California, 1993. 113 p.*

тике, свойствам отдельных языковых единиц и т. д. На современной стадии развития лингвистической теории проводятся исследования в сфере машинного или автоматического перевода. С 1980-х гг. в Институте проблем передачи информации Российской академии наук группой российских лингвистов и математиков разрабатывается компьютерная система «ЭТАП», главной целью которой является лингвистическое моделирование естественного русского языка и компьютерная реализация полученных моделей. Одним из разработчиков системы «ЭТАП» является Леонид Лейбович Иомдин, который, в свою очередь, занимается исследованием вопросов синтаксиса русского языка [Апресян и др. 1992].

Помимо машинного перевода, грамматика конструкций также составляет основу корпусной лингвистики. Как полагает Е.В. Рахилина, конструкции существуют в каждом языке, однако не могут анализироваться с применением некоторого универсального аппарата. Конструкции могут быть объединены в группы, основываясь на наличии общих признаков. Описание конструкции на каком-то определенном временном отрезке не имеет смысла, так как грань между синхронией и диахронией стирается [Рахилина 2010]. Мы предполагаем, что существует корреляция между определенной микросинтаксической конструкцией и ее реализацией в рамках определенного речевого акта. *Объектом* настоящей работы является микросинтаксическая конструкция *какой из NP[gen] NP[nom]*.

Данная единица выбрана для анализа, так как нас интересуют особенности выражения отрицательной оценки, поэтому нам представлялось необходимым проверить, как данная конструкция реализуется в разных типах дискурса и с какими речевыми актами соотносится, так как на сайте «Русский Конструктикон» отсутствует ее исчерпывающее описание.

На сегодняшний день в базе «Русского Конструктикона» содержатся данные о более чем 2200 конструкциях. Они включают толкование семантики конструкции на трех языках, фиксацию синтаксических особенностей с выделением постоянных (*anchor* или «якорь») и переменных (*slots* или «слоты») компонентов, а также описание стилистических особенностей и соответствующий употреблению в речи уровень владения русским языком по системе CEFR.

Большая часть конструкций еще не описана всесторонне: полное описание недоступно, присутствуют только некоторые его блоки. «Русский Конструктикон» не содержит данных о прагматике, что, на наш взгляд, очень важно охарактеризовать, так как прагматические значения микросинтаксических конструкций не являются самоочевидными.

В ходе работы над настоящим исследованием был составлен алгоритм анализа конструкции *какой из NP[gen] NP[nom]*. Вслед за Е.А. Стародумовой и Ван Жучжэнем мы считаем целесообразным выделить три зоны исследования: синтаксическую, семантическую и прагматическую [Стародумова 2019]. Анализ прагматики осуществляется на основе выводов, полученных при анализе синтаксиса и семантики.

В *синтаксической зоне* мы считаем необходимым проанализировать следующие параметры:

- описание модели СФ, ее возможные трансформации, пунктуационное оформление;
- выделение постоянных и переменных компонентов;
- указание типа СФ по синтаксической классификации Н.Ю. Шведовой (Русская грамматика);
- фиксация количества вхождений СФ в основной корпус НКРЯ;
- определение соотношения употребления СФ в диалогической и монологической речи;
- указание на вариативность переменных компонентов.

Синтаксическая зона. Настоящий СФ строится по модели *какой из NP[gen] NP[nom]*, является простым предложением (чаще в составе основной клаузы) и состоит из постоянных компонентов: местоименного слова и предлога, а также переменных компонентов: именной группы в родительном падеже и именной группы в именительном падеже.

Местоименное слово *какой* (по данным словаря С.И. Ожегова) выражает эмоции говорящего: восхищение, удивление, а при риторических вопросах или репликах-ответах – отрицание. Его первоначальное вопросительное значение в данной конструкции утрачивается. Предлог *из* при употреблении со словом в родительном падеже указывает на человека (или предмет), не соответствующего той функции или роли, которая ему приписывается.

В основном корпусе НКРЯ исследуемый СФ имеет 244 вхождения в 228 документах. Проанализировав вхождения на предмет употребления их в монологической или диалогической речи, мы получили следующее соотношение:

Большинство употреблений исследуемого СФ связаны с диалогической речью:

- (1) – Что ты говоришь, Саломея, ты посмотри на меня. Мне уже пятьдесят пять лет. **Какой из меня пылкий любовник** (Сергей Есин. Марбург. 2005).

(2) – Денис! – воскликнул Марат Андреевич. – А ты куда? Ну **какой из тебя сейчас боец**... Пойдут Тимофей Степанович, Федор Александрович... (Михаил Елизаров. Библиотекарь. 2007).

(3) – Он и сам не рвется на Лильке жениться, он же разумный человек, понимает, что ему нужна не просто жена, а мать для его детей, а **какая из Лильки мать**? Смех один! (Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1. 2014).

Примеры употребления СФ в монологической речи связаны с внутренним диалогом говорящего, обращением к самому себе:

(4) **Какой из меня политический журналист**? Все сенсационные подробности своих репортажей я черпал из разговоров с Сологубом (И.Ю. Стогов. Мачо не плачут. 2001).

(5) Батя рассказывал и обещал взять с собой как-нибудь в посёлок Атяш на эту речку порыбачить. Да **какой из меня теперь рыбак**? (Валерий Кузнецов. Путешествие к тайнам Яман-Елги // «Бельские просторы». 2013).

(6) Судя по всему, они провели свой век на каких-то командных постах. Им приходилось руководить, направлять и погонять, а **какой из человека командир**, если он не в состоянии выразиться не только ясно, но и громко? (Андрей Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь». 2001).

Для выявления более частотной модели поиск по основному корпусу НКРЯ проводился после выделения в общей модели СФ двух других с учетом морфологических особенностей заполнителя первого переменного компонента, NP[gen]:

- *какой из N[gen] NP[nom]*;
- *какой из PronPers[gen] NP[nom]*.

Результаты поиска показали, что наиболее распространенной является модель 2, где на месте заполнителя первого переменного компонента использовано личное местоимение. В основном корпусе содержится 236 вхождений. Следует также отметить, что среди заполнителей первого переменного компонента в модели с существительным встречаются в основном слова, имеющие категорию одушевленности и указывающие на абстрактные категории, конкретных людей или на социальные роли.

Среди заполнителей второго переменного компонента NP[nom] наиболее частотны слова, отражающие социальный статус объекта: учитель, муж, инженер, работник, жена, отец и т. д.

В *семантической зоне* фиксируются:

- характеристика семантики СФ;
- особенности заполнителей переменных компонентов СФ;
- тип СФ по семантической классификации А.В. Величко;
- интонационное оформление СФ.

Семантическая зона. СФ носит оценочный характер и указывает на несоответствие представлениям говорящего. По его мнению, у участника диалога, третьего лица или самого говорящего объективно или субъективно отсутствуют способности, возможности, личностные качества и т. п., чтобы соответствовать тому месту, социальной роли, статусу и т. п., которые выражаются вторым переменным компонентом.

(7) А я от этих слов его, от ласки, сильно волнуюсь, губы дрожат, не повинуются, только и мог из себя выдавить: «Прошу, товарищ полковник, зачислить меня в стрелковую часть». Но полковник засмеялся, похлопал меня по плечу: **«Какой из тебя вояка**, если ты на ногах еле держишься? (М.А. Шолохов. Судьба человека. 1956)

(8) – Ты посмотри на себя, **какая из тебя актриса?** У тебя ни слуха, ни голоса, – говорили ей папа и мама (Ольга Демьянова. Неважная театральная жизнь // Столица. 29.09.1997).

Иногда СФ используется говорящим по отношению к самому себе, чтобы вызвать жалость у собеседника или получить с его стороны комплимент, что является формой иллюкутивного вынуждения.

(9) Ответ: Да **какой из меня рыцарь**, скажете тоже... Вопрос: Ну а что? Вы же с детства мечтали быть бесстрашным правдоискателем! Хотели вырасти и стать сыщиком, бороться с преступниками, наказывать зло (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // Знамя. 2005).

По семантической классификации СФ А.В. Величко исследуемый в настоящей работе относится к первому типу: оценочный СФ и второму типу: СФ, выражающий несогласие, неприятие.

Рассмотрим далее *интонационное оформление* СФ. Для этого был произведен поиск в мультимедийном корпусе НКРЯ.

(10) Фрагмент из кинофильма «В движении».

(Гурьев (Константин Хабенский, муж, 30, 1972)) Так... М! У меня приятель на телевидении. Давай-ка мы тебя в редакцию спортивных программ диктором устроим/ а? Что?

(Люда (Александра Скачкова, жен)) Ты что? Сань/ **какой из меня диктор!** (Филипп Янковский, Геннадий Островский. В движении, к/ф. 2002).

В примере (10) СФ имитирует вопрос, при этом им не являясь, имеет ударный центр на слове *какой*, в постцентровой части тон нисходящий. Данные характеристики соответствуют ИК-2 по классификации Брызгуновой.

ИК-2 также реализуется в случаях, когда произнесенное слово противопоставляется пресуппозиции: в СФ может быть интонационно выделен первый переменный компонент *NP[gen]*. При подобном употреблении семантика СФ может приобретать элементы эфазы и относиться к пятому типу по классификации А.В. Величко.

В *зоне прагматики* рассматриваются:

- употребление СФ по степени эксплицированности иллокутивной цели говорящего: прямые и косвенные речевые акты;
- тип речевого акта, в котором употребляется СФ, по классификации Дж. Серля;
- выделение имплицатур (если они имеются).

Прагматическая зона. Исследуемый СФ часто используется в диалогической речи для субъективного выражения несогласия и отрицательной оценки. Это дает основания предполагать, что прототипическим употреблением для данного СФ являются экспрессивные речевые акты.

Иллокутивная цель говорящего не совпадает с прототипической функцией языковой формы исследуемого СФ, следовательно, он употребляется как косвенный речевой акт.

Отрицательная субъективная оценка говорящим собеседника, его действий или третьего лица приводит к нарушению максимы отношения. При использовании интересующего нас СФ:

- говорящий намеренно дискредитирует адресата;
- адресат не считает оценку рациональной.

В первом случае СФ будет употребляться в рамках инвективного экспрессивного речевого акта. Он эмоционально мотивирован и используется с целью достижения говорящим определенного перлокутивного эффекта:

(11) – На, забирай, если так хочешь. Нет, Катя отдала свой парик не по доброте душевной. Просто она увидела парик блондинки, который не усмотрела Капризуля. – **Какая из тебя блондинка?** – фыркнула Капризуля. – Нормальная, – ответила Катя (Маша Трауб. Не вся la vie. 2008).

Во втором случае собеседник не всегда может оценивать слова говорящего как рациональную критику в свою сторону, поэтому высказывание, содержащее исследуемый СФ, может быть воспринято как оскорбление, исходя из приписываемого намерения. В примере (8) употребление СФ носит оценочный аргументативный характер, поясняющий отрицательную оценку, однако собеседник, ориентируясь также на левый контекст («ты посмотри на себя»), может проинтерпретировать это как установку на конфликт. В описанных выше ситуациях лицо, которое является объектом оценки говорящего, является непосредственно его собеседником, следовательно, СФ имеет в качестве первого переменного компонента личные местоимения *тебя* или *вас*, если адресат множественный. Тем не менее вариативность личных местоимений, как было отмечено в зоне синтаксиса, распространяется на слова, называющие третьи лица, в том числе те, которые не принимают участие в коммуникации или являются слушателями: *него, неё, них*. К этой группе можно также отнести модель СФ с первым переменным компонентом существительным *какой из N[gen]NP[nom]*.

Рассмотрим коммуникативные акты, в которых:

- объект диалога присутствует при нем, но не является актантом;
- объект диалога отсутствует.

(12) Можно говорить что угодно, рассуждать, задавать вопросы (на которые не обязательно отвечать), вглядываться в физиономии, провоцировать: *«Какой из Васькá вор*, да и на полицейского он не тянет, палач, наверно», – в расчете, что Васек оскорбится и как-то себя выдаст, или кто-то еще что-нибудь брякнет, выдав себя (С.И. Рыженков. Дворовые игры + // Волга. 2013).

В примере проиллюстрирована ситуация, в которой употребление СФ связано с иллокутивным вынуждением, в основе которого желание говорящего добиться от собеседника желаемой для себя реакции.

В ситуации, когда говорящий и собеседник обсуждают третье лицо, отсутствующее в момент коммуникации, в употреблении СФ эксплицирована отрицательная оценка и имплицирована цель говорящего убедить собеседника в истинности своих слов. Иллокутивное вынуждение может быть аргументировано:

(13) – Молодой, с высшим образованием, из хорошей семьи... Его рекомендуют на всех уровнях, а ты все волокитишь... Чем он тебя не устраивает? – Да *какой из него следовательно*, товарищ полковник?

Учился на «тройки», характеристики так себе... Папаша – директор рынка, – вот и все достоинства. Он-то всех и треплет, торопит, уговаривает... – Что тебе его «тройки»? (Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... 2011).

Для анализа дискурсивных ситуаций, в которых СФ употребляется по отношению к адресанту, был осуществлен поиск в основном корпусе НКРЯ по модели *какой из меня NP[nom]*.

Среди полученных результатов поисковой выдачи можно выделить следующие группы в зависимости от характера импликатур:

- отказ от действия;
- самоуничижительное высказывание;
- иллокутивное вынуждение собеседника;
- самоирония.

В первую группу выходят высказывания, в которых говорящий произносит СФ с целью отказа от ответственности за выполнение/ невыполнение некоторого действия. Говорящий сообщает о несоответствии собственных знаний, умений, качеств и т. п. для роли, которую предлагает ему собеседник (к этой же группе относится пример (10)):

(14) – Брось ты, Ромка, ну *какой из меня учитель* и тем более наставник? Я сам еще мало что умею, – отговаривался он. – Нет, ты мне в тот раз говорил, объяснял, я хотел научиться, но ты не стал меня учить и сказал, чтобы я собственные методы развивал. А я их пока не нашел (Александра Маринина. Последний рассвет. 2013).

Ко второй группе относятся ситуации, в которых говорящий намеренно дискредитирует себя в глазах собеседника (при диалогической речи) или в своих собственных (при монологической речи). По мнению Н.И. Формановской, одной из причин появления самоуничижительных высказываний является признание говорящим вины или его сожаление по поводу несоответствия собственных навыков и качеств тем, которые необходимы для принятия на себя определенной роли.

(15) – Ну, а что наука скажет? – посмотрел я на Тоню. – Ты у нас к ней как бы ближе всех... – Да *какая из меня «наука»!* – махнул он рукой. – Три курса всего... И потом, археология занимается не в пример более древними вещами... (А.А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник). 2015).

В примере (15) на сожаление говорящего указывает, во-первых, невербальное оформление СФ (*махнул*), во-вторых, аргументативный правый контекст, в котором частица употребляется в значении «только это и больше ничего».

Третья группа включает в себя высказывания, в которых СФ употребляется говорящим для достижения перлокутивного эффекта: вызвать у собеседника жалость к себе, желание сделать комплимент, убедить в неправильности его слов (чаще всего неискренне. Например, в (18) говорящий сообщает о своем несоответствии должности заместителя, чтобы собеседник указал на его положительные качества, подходящие для подобной номинации):

(16) – Анно красивый, молодой... Он на любой может жениться... Но он еще школьник. Вы живёте с родителями? Я тоже. Мы никогда не платили за свет и за телефон, не умеем готовить, я... **Какая из меня жена?** Он будет счастливее без меня (Ирина Бахтина. Зачем я тебе? 2007).

(17) Также Ладо считал, что жизнь с таким неуживчивым, склонным к наркотикам и выпивке, меланхолии, депрессиям и дурным выходкам человеком, как он, была бы ей в непосильную тяжесть: «Зачем тебе эта лишняя обуза? – искренне удивлялся он. – **Какой из меня муж?**» На ее вопрос: «Как же тогда тебя жена терпит?» – Ладо отвечал, что за много лет она уже привыкла, приспособилась и вообще обязана терпеть. «Но тебе для чего такой, как я?» (Михаил Гиголашвили. Чертовое колесо. 2007).

(18) – Я не поздравил вас, Валерия Павловна, с назначением заместителем главного редактора. – Ах, оставьте, – кокетливо ответила Валерия. – Ну **какой из меня зам?** Я просто стараюсь помочь Григорию Ефимовичу (Лев Корнешов. Газета. 2000).

При иллокутивном вынуждении собеседник, подтверждая самоуничижительные высказывания говорящего, нарушит коммуникативную установку, что может привести к конфликту.

В четвертую группу входят выражения, где СФ имеет иронический оттенок, но ирония достигается также посредством контекстной организации СФ (см. пример 1).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- СФ реализуется преимущественно в рамках диалога в модели *какой из PronPers[gen] NP[nom]*, наиболее частотным заполнителем компонента с местоимением является слово *меня*;
- с точки зрения семантики СФ классифицируется как оценочный, выражающий несогласие, или эмфатический при

- варианте произношения с выделением определенного слова тоном;
- среди заполнителей второго переменного компонента встречаются слова, указывающие на социальный статус объекта или его социальную роль;
 - отрицательная субъективная оценка подчеркивается интонационным оформлением СФ при использовании ИК-2;
 - с точки зрения прагматики СФ употребляется в косвенных экспрессивных речевых актах;
 - СФ с местоимениями второго лица могут использоваться в инвективных речевых актах при эксплицированной дискредитации собеседника;
 - СФ с местоимениями третьего лица или существительными были проанализированы в зависимости от степени включенности третьих лиц в диалог;
 - лицо присутствует при диалоге в качестве слушающего: СФ может употребляться как иллокутивное вынуждение третьего лица совершить определенное действие в интересах говорящего;
 - лицо не присутствует при диалоге: СФ может употребляться для убеждения собеседника в правдивости субъективной оценки третьего лица;
 - СФ с местоимением *меня* является наиболее частотным и характерным для дискурсивных ситуаций следующих типов:
 - отказ говорящего от совершения действия;
 - самоуничижительное высказывание;
 - иллокутивное вынуждение собеседника (намеренная самодискредитация для достижения определенного перлокутивного эффекта и последующего продуцирования собеседником выражения, опровергающего слова говорящего);
 - самоирония.

Источники

Иомдин 2022 – Иомдин Л. Л. Микросинтаксис русского языка. Лекция на сайте «ПостНаука». 2022. URL: [www.url: https://postnauka.ru/video/49441](https://postnauka.ru/video/49441) (дата обращения 8 июня 2023).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2022. URL: [http://www.ruscorpora.ru/new/ Pragmaticon](http://www.ruscorpora.ru/new/Pragmaticon). 2022. www.url: [https HYPERLINK https://pragmaticon.ruscorpora.ru/](https://pragmaticon.ruscorpora.ru/) (дата обращения 8 июня 2023).

Литература

- Апресян и др. 1992 – *Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л.* Лингвистический процессор для сложных информационных систем. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Величко 2015 – *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры как языковой и коммуникативный феномен // *Русистика*. 2015. № 4. С. 7–15.
- Добровольский 2016 – *Добровольский Д.О.* Грамматика конструкций и фразеология // *Вопросы языкознания*. 2016. № 3. С. 7–12.
- Иомдин 2003 – *Иомдин Л.Л.* Большие проблемы малого синтаксиса // *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям*. Диалог – 2003. Протвино, 11–16 июня 2003 г. М.: Наука, 2003. С. 216–222.
- Иомдин 2006 – *Иомдин Л.Л.* Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*: Тр. Междунар. конф. «Диалог». М.: РГГУ, 2006. С. 202–206.
- Иомдин 2013 – *Иомдин Л.Л.* Читать не читал, но...: Об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог – 2013»*. Вып. 12 (19). Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 309–322.
- Рахилина, Кузнецова 2010 – *Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л.* Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // *Лингвистика конструкций / Под ред. Е.В. Рахилиной*. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
- Рахилина 2010 – *Рахилина Е.В.* Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.
- Стародумова 2019 – *Стародумова Е.А., Ван Жучжэнь*. Синтаксический фразеологизм «Что бы я (мы) делал (-ла, -ли) без тебя (вас)?(!)» // *Научный диалог*. 2019. № 6. С. 9–20.
- Ушакова 2018 – *Ушакова А.П.* Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке: специальность: Дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018. 227 с.

References

- Apresyan, Yu.D., Boguslavsky, I.M. and Iomdin, L.L. (1992), *Lingvisticheskii protsessor dlya slozhnykh informatsionnykh sistem* [Linguistic processor for complex information systems], Nauka, Moscow, Russia.
- Dobrovolsky, D.O. (2016), “Grammar of constructions and phraseology”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 7–12.
- Iomdin, L.L. (2003), “Big issues of small syntax”, *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii po komp'yuternoi lingvistike i intellektual'nykh tekhnologiyam. Dialog – 2003. Protvino, 11–16 iyunya 2003 g.* [Proceedings of the international conference on

- computational linguistics and intellectual technologies, Dialogue'2003, Protvino, 11–16 June 2003], Nauka, Moscow, Russia, pp. 216–222.
- Iomdin, L.L. (2006), "Polysemous syntactic idioms: between the vocabulary and the syntax", *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Tr. Mezhdunar. konf. "Dialog"* [Computational linguistics and intellectual technologies, Proceedings of the international conference "Dialogue"], RGGU, Moscow, Russia, pp. 202–206.
- Iomdin, L.L. (2013), "Read did not read, but...: About one Russian construction with repeated lexical elements", *Computational linguistics and intellectual technologies. Based on the proceedings of the annual International Conference "Dialogue 2013"*, iss. 12, RGGU, Moscow, Russia, pp. 309–322.
- Rakhilina, E.V. and Kuznetsova, Yu.L. (2010), "Grammar of constructions. Theory, supporters, close ideas", Rakhilina, E.V. (ed.), *Linguistics of constructions*, Azbukovnik, Moscow, Russia, pp. 18–79.
- Rakhilina, E.V. (2010), *Linguistics of constructions*, Azbukovnik, Moscow, Russia,
- Starodumova, E.A. (2019), "Syntactic phraseological unit 'What would I (we) do (-la, -li) without you (you)? (!)' ", *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*, no. 6, pp. 9–20.
- Ushakova, A.P. (2018), *Syntactic phraseological units with the semantics of ironic disapproval in the modern Russian language*, Majoring, PhD Thesis, Yaroslavl, Russia.
- Velichko, A.V. (2015), "Sentences of phraseological structure as a linguistic and communicative phenomenon", *Russian Language Studies*, no. 4, pp. 7–15.

Информация об авторе

Яна А. Астахова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yana_ast87@mail.ru

Information about the author

Yana A. Astakhova, Cand. of Sci. (Phylology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; yana_ast87@mail.ru